

Мария Фомальгаут

ДЕТЕКТОР ИВ

Мария Фомальгаут

Детектор ив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27810053

ISBN 9785449003669

Аннотация

Да, мы сегодня вас видели. Ну как, посмотрели в небо и увидели. Говорю же вам, звезды умерли, а свет от них остался, летит через вселенную, мы его видим. Вот посмотрели на звезды, навели резкость, вашу звезду увидели, какая она была миллиарды лет назад. На землю вашу посмотрели. Там на полюсах белое, это же вода замерзла, да? Я вот не помню, у меня что-то в памяти не сохранилось такое. Вас видели, как вы читаете. Это я так. К слову.

Содержание

0	5
1	6
2	7
3	8
4	9
5	12
6	16
7	20
8	24
9	27
10	28
11	29
12	32
13	33
14	34
15	36
16	38
17	43
18	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Детектор ив

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Владимировна Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2017

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-0366-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

0

Часы бьют полночь.

1

В доме гасят свет.

Все спят долгим сном на века и века.

Лежит снег.

Светят звезды, которых больше нет.

Светит фонарь на крыльце, зовет гостей бесконечно
издалека.

Приходят гости, каждый несет с собой кусочек солнца.

А когда все кусочки соберут, солнце загорится.

И кончится ночь.

А снег тут синий.
Нет, не покрасили.
Всегда такой был.
Просто.
Потому что.
А небо черное.
Тоже такое всегда было.

3

Прилетели три книги, постучали в окно.

Хозяин говорит:

– Видишь, книги прилетели. Впусти.

Открываю окно, говорю:

– Добро пожаловать.

Книги влетают в комнату, просят ночлега.

Поворачиваюсь к хозяину, спрашиваю, в какую комнату поселить книги.

Хозяин разводит руками:

– Ну что ты, какие комнаты, ты сам подумай, это же книги, книги в библиотеке живут...

Провожая книги в библиотеку, они устраиваются на полках.

Желаю книгам спокойной ночи.

4

С неба упала звезда.

Да, с черного неба.

Упала на холмы, ушиблась, конечно, не без этого, отряхнулась, осмотрелась.

Стоит дом на холме.

Большой дом, красивый дом, в три этажа.

Каменные львы на крыльце.

Мансарда.

Две башенки.

Огоньки в окнах, всполохи камина на стекле.

Звезда осторожно спрашивает, а можно ли ей в дом, а то на улице холодно, темно, а в доме вон как хорошо...

Дом думает. Дом и не хочет отказать звезде, звезда в гости пришла все-таки. Но дом боится, а мало ли, вот так пустит звезду, а тут случится что-нибудь потом от этой звезды...

Звезда уверяет – нет-нет-нет, ничего не случится, она, звезда, хорошая.

Дом тихонько думает про себя, что все они так говорили, гости-то, а потом в дом приходили, и всякое от этих гостей случалось. Но все-таки соглашается, – звезда так звезда, приглашает звезду в гости.

Двери дома открываются.

Из дома показывается парящий в воздухе гроб, в котором

лежит человек, скрестив руки на груди. Лицо мертвеца ничего не выражает.

Звезда терпеливо ждет.

Гроб плавно спускается с холма, тонет в темноте, снова появляется уже там, где упала звезда.

Звезда замирает, задумывается, боится...

...что-то происходит.

Еще непонятно, что – но что-то.

Человек в гробу приподнимает голову. Оглядывается, с трудом пытается понять, кто он и что он. Поводит руками (мы писали, мы писали, наши пальчики устали), приподнимается, тут же беспомощно падает.

Не сейчас.

Нет.

Еще не сейчас.

Еще нужно полежать минуту, две, прийти в себя, заставить тело слушаться.

Человек снова поднимается, со скрипом, со скрежетом, с жалобным похрустыванием. Садится, болтает ногами в воздухе, если бы гроб еще так не качался, было бы проще, так ведь качается, уходит опора...

Мертвец прыгает, падает на снег, хватается за пустоту, беспомощно кувыркается вниз по склону холма. Гроб волнуется, гроб парит за мертвецом, поддерживает его, подталкивает, вставай, вставай...

Мертвец встает, оглядывается на звезду, волнуется

за звезду, а как же звезда, звезда-то как же. Гроб успокаивает мертвеца, ничего, ничего со звездой не случится, будет она в целости и сохранности.

Мертвец идет к дому, покачивается на ходу, взмахивает руками, гроб беспокоится, хочет подхватить мертвеца – тот уворачивается, не надо, я сам, сам...

Поднимается на крыльцо, – двери открываются с легким скрипом, впускают гостя.

Я встречаю вошедшего.

Подаю кофе.

Говорю, как учили:

– Добро пожаловать.

Подаю поднос с хлоридом натрия, так положено.

Часы бьют полночь.

5

Я говорю:

– Я его боюсь.

А он говорит:

– А ты его не бойся.

А я говорю:

– А я все равно боюсь.

Он меня утешает, подбадривает.

Он.

Его зовут Ацфир.

Хорошее имя.

Ацфир.

Поднимаюсь по винтовой лестнице, сто ступенек вверх, на самый верх, где башенка, где большие часы, которые бьют полночь, где стрельчатые окна, за которыми вечная ночь...

Замираю перед комнатой хозяина, соображаю про себя, с каким Я хозяина буду сегодня говорить. Есть у него добрые Я, есть злые Я, какие возьмут верх, чёрт пойми.

– Он добрый будет – говорит Ацфир.

Я ему верю. Не знаю, почему, но верю. Потому что надо идти к хозяину, подниматься по лестнице, стучать в дверь, говорить...

Говорить...

Легко сказать...

Они просят...

Нет, не то.

Они требуют...

Нет, не то.

Они выдвинули ультиматум...

...и опять не так.

И вообще, почему они, кто они? Требования выдвинули пятеро гостей, остальные затаились, и даже не пятеро, а четверо, пятый не то, чтобы против, но и не сильно за.

Если я буду говорить с добрыми Я хозяина, он согласится, и тогда все будет хорошо. Но злых я у него больше, гораздо больше, и злые Я скажут – Нет, а те четверо (пятеро) скажут «Да», а злые Я снова скажут «Нет», а потом будет война.

Война...

Замираю на лестнице, хватаюсь за перила, спохватываюсь.

Война.

Откуда ко мне пришло это словечко, только что же не было, и тут – война.

Вспоминаю. Вспоминается что-то странное, непонятное, вот был дом – и нет дома, вот жили люди – и нет людей,

и не понимаю, как это так, почему...

– Осторожнее!

Это Ацфир.

Отскакиваю – поздно, поздно, массивный боевой топорик соскальзывает со стены, падает, пронзает мое плечо, отсекает голову, она со стуком катится по ступеням, мир вокруг меня вертится кувыркком, вижу свое обезглавленное тело, машущее руками...

Начинаю вспоминать, что такое война.

– Мои соболезнования.

Это снова Ацфир. Бежит по лестнице, поднимает упавшую голову, пытается приставить к моей шее – голова снова летит на пол, дом вокруг снова кувырывается бешеным волчком. Мой спутник бормочет извинения, снова пытается приставить мне голову, я подправляю, указываю Ацфиру – не так, не так, – наконец, совместными усилиями приделываем голову на место. Верчу шейей, прислушиваюсь к себе, вроде бы всё в порядке, обошлось, но всё ещё держусь за перила, всё еще боюсь, что мир вокруг опять завертится в бешеной пляске.

Киваю:

– Спасибо.

Ацфир растягивает губы:

– Всегда рад помочь.

Смотрит на мою шею, бормочет что-то, что вот, тут след остался, где топорик рубил, надо бы подклеить чем – отма-

хиваюсь, не надо, не надо, и так сойдет, поднимаю повыше воротничок.

Не нравится мне Ацфир, не нравится, не понимаю, почему, но не нравится: всегда вежливый, всегда готовый помочь, и почему от него хочется бежать на край света...

Стучу в дверь. Ацфир как всегда с изумлением смотрит, как я сжимаю руку в кулак, бью в дверь, как всегда хочет спросить – а зачем ты бьешь дверь, ей же не больно, как всегда не спрашивает.

Нужно будет что-то говорить. Здесь. Сейчас.

Они требуют...

Не то.

Они выдвинули ультиматум...

...тоже не то.

Они...

...все не то, все-все-все не то, а надо будет что-то говорить, здесь, сейчас...

6

...ловлю себя на том, что дверь я бью, крепко бью, а оттуда ничего не отвечают.

Тишина.

Думаю, что делать, когда – тишина.

Толкаю дверь, дверь поддается, вхожу в кабинет – тусклый свет фонарей падает на массивный стол – окликаю хозяина.

– Кислота!

Да.

Кислота.

Это хозяина так зовут.

А полное имя – Запах Кислоты, Сорок Процентов Серной, Шестьдесят Процентов Муравьиной.

Вот так он мне представился после моего вопроса – как к нему обращаться. Вернее, этого моего вопроса он почему-то не понял, что значит – обращаться, это к кому обращаться или в кого обращаться, или как. А вот после моего вопроса – как он сам себя называет – он ответил.

Про кислоту.

Вот поэтому-то я вхожу в кабинет и окликаю хозяина:

– Кислота!

Хозяин сидит спиной ко мне, не отвечает.

Думаю, что делать, когда – не отвечает.

Откашливаюсь:

– Они... они требуют...

Тишина.

– Я понимаю, вы не хотите говорить...

Снова тишина.

– Я понимаю, это больная тема...

Еще тишинее.

Не тише, а именно – тишинее.

Трогаю хозяина за плечо – Кислота падает на ковер.

Смотрю на Кислоту, с этим Я хозяина мне еще встречаться не приходилось, – с Я, которое падает, лежит и не встает.

– Его нет.

Это Ацфир говорит.

(Хорошее имя – Ацфир)

Оборачиваюсь, вопросительно смотрю на Ацфира, как это – нет.

Ацфир наклоняется над Кислотой, смотрит, посылает запрос, – не получает ответа.

Снова говорит:

– Его нет.

Не понимаю:

– Как же его нет, вот же он лежит.

– Это не он, это только оболочка от него. А его нет.

– А где он?

Ацфир мотает головой так, что она у него тоже чуть не отваливается.

– Его нет. Совсем-совсем нет.

Я не понимаю, как такое может быть, чтобы кто-то был, а теперь его совсем-совсем нет.

Ацфир объясняет одним-единственным словом, которого я не помню, а может, просто не знаю. Пробую перевести слово на хоть какой-нибудь привычный мне язык, слово долго не переводится, наконец, нахожу ответ:

– Смерть.

Что такое смерть, спрашиваю себя, ищу в поисковике, поисковик выдает каркас какого-то позвоночного, завернутого в черную ткань, пытаюсь понять, что за лезвие он держит, не понимаю.

Ацфир поворачивает голову упавшего, – вздрагиваю, когда вижу развороченный затылок.

Здесь уже никого ни о чем не спрашиваю – воспоминания приходят сами, говорю:

– Его убили.

Память наваливается сама собой, я уже не могу её удержать, убили, значит, кто-то убил, значит, этот кто-то и нас убить может...

Спрашиваю Ацфира:

– А этот, который убил... он здесь? Среди нас?

Ацфир задумывается, кивает:

– Здесь. Где ему еще быть, никто же отсюда не улетал из дома, верно же?

Понимаю, что случилось что-то страшное. И что нужно звать сюда всех. Почему всех – не знаю. Память сама подска-

зывает какие-то правила, – рассылаю сообщения, всем, всем, всем, скорее сюда...

Часы бьют полночь.

Еще раз.

И еще.

Ну, нравится им полночь бить.

Стрелки мечутся по кругу, выплясывают какой-то безумный танец.

Что такое?

Я вижу вас по ту сторону страницы, я вижу, у вас появились вопросы, я чувствую их, как они электрическими импульсами мечутся по вашим клеткам.

Я вижу ваши вопросы.

И я их не понимаю.

Почему звезды умерли?

Ну, не век же им гореть, вот и умерли.

Почему у хозяина много Я?

Ну... потому что.

Слушайте, я об этом и не задумываюсь никогда, много Я у хозяина – значит, так надо. Мне вот тоже непонятно, первый раз такое вижу, чтобы много Я. Нет, не шизофрения, тут другое что-то. Это еще один постоялец в гостинице мне сказал – у хозяина много Я. А вы меня прямо в тупик поставили. Правда, что, почему много Я, одни добрые, другие не очень, одни всегда готовы прийти на помощь, другие сами по себе, особнячком... А потом все Я собираются в одно Я, и каких Я будет больше – добрых или злых, таким получится большое Я. Поэтому иногда с хозяином легко договориться, а иногда...

...да честное слово, не знаю я, почему так.

Или вот вы спрашиваете, почему я голову обратно при-

ставляю, когда её мечом отсекло. Ну а что мне было делать, выбросить, что ли? Вот у вас голову отсекают, вы её выбрасываете? Да? Да неужели. Ну, так послушайте моего совета, если впредь такое случится, вы голову не выбрасывайте, а обратно приставьте, честное слово, ничего сложного.

Что еще? А-а, что там те четверо требуют? Это постояльцы нашей гостиницы, да, у нас тут гостиница, если что, имейте в виду, мы гостям всегда рады, будете в наших краях, приходите. А что они у хозяина требовали, я вам сказать не могу, у нас тут свои тайны...

А вот вы мне скажите, вы почему не спрашиваете, зачем я хлорид натрия гостям ношу? А? что значит, вы знаете? Знаете? Ритуал? Еще раз, как... со-ел... Соел. Хорошо. Запомню. Спасибо большое.

Что такое? Почему часы бьют полночь? Ну а что им еще делать, по-вашему? Что? Время показывать? Для этого у нас таймеры есть, вы мне скажите, как вот эти вот стрелки могут время показать? На какую цифру укажет, такое и время? Так стрелки-то три, вы что, одновременно в трех временах живете? Слушайте, ну, честное слово, первый раз таких вижу, которые в трех временах живут... они у вас с разной скоростью идут, да, стрелки же по-разному бегают? То есть, это вы одновременно утром вышли из дома, а в другом времени уже приехали в пункт назначения, а в третьем времени уже вернулись домой? Здорово... Нет? Не так? Ой, тогда я совсем не понимаю...

Еще раз, как вы сказали тогда про хлорид натрия? Соел? Постараюсь запомнить. Соел. Ударение на первом слоге.

А вот вы, если так хорошо всё знаете, может, скажете – убийство – это уже война, да? Еще нет? Ну, спасибо, вы меня успокоили, а то я уже волнуюсь, что война.

А это убийство.

А это вы мне подсказали, что когда убийство, надо всех собрать? Спасибо вам огромное, а то мне и непонятно было, что делать, у нас тут убийство первый раз. А кто убил, может, скажете? Не скажете? А? кто-то из постояльцев? Ну, не обязательно, вдруг кто-нибудь с улицы пришел... Ну да, знаю я, что в округе больше нет никого, ну, не из округи, издалека, планета-то большая... Да знаю я, что на планете больше нет никого, ну мало ли... прилетел...

А? Говорите, по законам жанра так быть не может? А что за жанр такой? Еще раз, как? Детектор? Не так? Ой, не вижу, мысли мечутся слишком быстро. Детектор ив? Это же птица такая, ива? А при чем она здесь? Не при чем? Ну ладно, наверное, это я что-то не так понимаю.

Так вы сказали, это по законам этого самого детектора ив сначала в одинокий дом приезжают гости, вот они приехали. А потом кого-то убивают. Вот убили. А потом главный герой должен опросить всех в доме и узнать, кто убийца. Понятно, спасибо.

А? Ну, наверное, я буду расследовать... хотя кто знает... Ну, пока я буду следствие вести, а там посмотрим.

Спасибо вам огромное, без вас мне не справиться, честное слово.

8

Я говорю:

– Смерть.

Меня не понимают. Ну, то есть, Ацфир понимает, он сам про смерть сказал, а другие не понимают ничего.

(портрет)

Вот все собрались в гостиной (это комната такая большая, там еще камин, такая каменная ниша с огнем), смотрят на меня, спрашивают:

– Что такое смерть?

Пытаюсь что-то объяснить, ну, это когда кто-то был, и уже нет. Нет, не уехал и не улетел, его просто не стало. Он не вернется, вот. Нет, не насовсем уехал и не насовсем улетел, а вот был – и не стало.

(портрет)

Да чер-р-р-т возьми...

Хватаю со стола прејскурант, это где что почем написано, бросаю в камин.

Поясняю:

– Вот. Было, и нет. Смерть. Смерть...

Спохватываюсь, да что я-то вам всё объясняю, сами, что ли, в поисковик залезть не можете... Сами лезут в поисковик, смотрят, один за другим начинают понимать.

(Портрет, портрет, портрет!)

Взмах спрашивает:

– Смерть – это когда нет воды?

Отчаянно мотаю головой.

Имя такое – Взмах. Чтобы его позвать, он сказал, нужно взмахнуть три раза, а потом еще два раза, да не просто так, а на какой-то там частоте. Договорились с ним, что будем звать его коротко – Взмах, всё равно на нужной частоте у меня махать не получается...

– Да нет, точно вам говорю, смерть, это когда воды нет, – подхватывает Мускус.

(Тоже имя такое – чтобы позвать его, нужно открыть флакон с запахом мускуса, духи там какие-нибудь, только у нас тут духов нет и запахов нет, так что когда зовем его, просто говорим – Мускус)

Хватаюсь за голову:

– Нет, нет, нет... вы посмотрите... убийство... война...

Три Света спрашивает:

– Это геометрическая фигура такая? Кубийство?

Сжимаю зубы.

– Не фигура. Не фигура. Поищите... посмотрите...

(Да портрет же! ПО-О-О-ОР-Т-РЕЕ-Е-Е-ЕТ!)

Искривление осторожно, бочком-бочком подбирается ко мне, напоминает:

– Мы спрашивали вас про...

(А про что, я не скажу, у нас тут свои тайны)

Киваю:

– Не получилось спросить у хозяина, его убили.

Старбелл начинает понимать:

– А кто его убил?

(Имя такое, Стар-Белл, Звездный-Звон, ну или еще как-нибудь)

Развожу руками:

– А я этого не знаю. Кто-то из нас убил. Вот кто убил, тот знает.

Старбелл еще больше начинает понимать, обходит всех по очереди, спрашивает:

– Это вы убили хозяина?

Все мотают головами, отвечают:

– Нет, не я.

Тридцать Процентов Соляной Кислоты на секунду замирает, спрашивает:

– А почему вы решили, что я убил? А почему вы меня подозреваете?

Да никто вас не подозревает, я просто спросил – вы убили?

– Нет, не я.

...портрет...

Это вы сказали?

Да, к вам обращаюсь. Мне слышалось – портрет.

Нет?

Вы не говорили?

А, ну извините, слышалось мне, показалось, бывает, спам какой-нибудь лезет, ошибки какие-нибудь, много их накопилось, ошибок, бывает, выскочит что-нибудь, вот недавно команда пришла – взять носки, развесить над камином, да не парами, а по одному, почему по одному, сушить, это что надо было делать, чтобы один носок вымочить, а второй нет...

Ну да.

Вернемся к делу.

Так что нет, все-таки это не детектор ив, это другое что-то. Вот мы всех опросили, вот все говорят – не я.

А?

Ну, вы мне вообще мозги в трубочку свернули, это мне еще всех опрашивать придется, решать, кто правду говорит, кто врет?

Ну, как скажете.

Вам виднее.

10

Часы бьют полночь.

Список подозреваемых.

Я...

А?

Меня не надо?

Ну, как скажете. Не надо, так не надо. Слушайте, а почему всех надо, а меня нет? Прямо обидно как-то. А, потому что не я убийца, и меня не подозревают. Ну, как хотите.

Кислота, мой хозяин...

...а, хозяина тоже не надо, его же убили.

Ацфир. А дальше нужно написать, что я про него знаю.

Ничего не знаю. Хороший Ацфир, всегда на помощь приходит. Но не нравится он мне, не пойму, чем – но не нравится.

Старбелл. Звездный Звон. Красивое имя. Это когда мы его первый раз услышали, он посылал из далекого космоса сигналы, причудливую такую мелодию, у меня тогда еще в памяти завертелось – музыка небесных сфер. Только это слишком длинно было, потом как-то само собой сократилось до Звёздного Звона, а там и до Старбелла, так и записано

в книге гостей – Старбелл. Только сейчас понимаю, что настоящее его имя никто не спросил, а сразу вот так, с порога: – Добро пожаловать, уважаемый Старбелл.

А он ничего и не возразил, что никакой он не Старбелл, а зовут его... А может, и никак не зовут.

Про него я тоже ничего не знаю.

Искривление. Имя такое, да. Ну, не имя, не знаю, что. Я спрашиваю, как он сам себя называет, а он смотрит на меня и молчит. Я снова спрашиваю, как он себя называет, а он снова смотрит и молчит. А потом говорит, – ну я когда себя называю, я пространство искривляю в четырех измерениях.

Я ему тогда говорю – а покажите, как это.

Он смотрит на меня, смеется, ну что такое говорите, это же от всей вашей погасшей звезды ничего не останется, если я пространство согну.

И про него больше ничего не знаю.

Три Света. Это имя такое, да. Его спросили, как его зовут, он сказал, что чтобы его позвать, надо три раза отразить свет далекой звезды, и каждый раз под разным углом, и еще между этими отражениями электрические импульсы пустить. А мы спросили – можно просто записать его, как Три Света, он сначала обиделся, потом согласился нехотя. И про него ничего не известно.

Взмах. Тоже про него ничего не знаю.

Мускус. И про него ничего не понятно.

Вон еще один сидит, даже имени не знаю. Его спросили сейчас:

– Вы не виноваты?

И он кивнул, – нет, не виноват.

И всё.

Тридцать Процентом Соляной Кислоты еще.

В гостевой книге записано просто – Тридцать.

И про него я тоже ничего-ничего не знаю.

12

А нет.

Про Тридцать знаю.

Он хороший.

Он мне всё показывал, всё рассказывал, особенно про хозяина, про которого мне никак непонятно было. А Тридцать быстро мне все по полочкам разложил, да...

Так и сказал:

– А ты с каким Я его сейчас говоришь?

Вздрагиваю:

– А у него что... их два?

– Какие два, там и три, и десять я, и миллион...

– Да ну?

– Ну да.

Молчу. Не понимаю.

– Ты не волнуйся, денек-другой – и доброе Я у него будет, там и поговоришь...

13

Если из окна нашего дома посмотреть на небо, можно увидеть звезды.

Звезды, которых нет.

Потому что они умерли давным-давно, остался только их свет из далекого прошлого.

Он идет по дому.

Кто идет?

Гость.

Какой гость?

Неважно.

Но идет.

По дому.

Большой дом, хороший дом, красивый дом, с башенками, с часами, ну, это вы уже всё знаете.

Он слышит шаги за спиной в коридоре, оборачивается.

Никого нет.

Совсем никого.

Стоят рыцарские доспехи в нише, кто-то дом обставлял, ловко придумал, доспехи поставил, мечи всякие повесил, топорики боевые...

Называется – под старину.

Красиво получилось.

Он идет дальше, он прислушивается к тишине, вернее, прислушивается, тут не годится, воздуха-то нет, и звуков не слышно.

Он ловит сигналы.

Сигналов нет.

Ничего нет.

Он чувствует мимолетное сотрясение пола под ногами.

Еще.

Еще.

Чьи-то шаги, там, за спиной.

Он снова оборачивается, смотрит в темноту коридора.

Снова доспехи, темные, неподвижные, кто-то расставил их по всему дому...

...или нет?

Он терзает свою память, он спрашивает свою память, были ли здесь доспехи секунду назад, когда он проходил мимо – не помнит.

Память молчит.

Он делает странную вещь, он подходит к доспехам и хватается за забрало, он хочет открыть забрало, но что-то мешает ему сделать это, он боится увидеть...

Увидеть...

...увидеть что?

Он еще сам не знает, что будет там...

...там...

Открывает забрало.

Ничего нет.

Гость снова идет по дому, чувствует легкое сотрясение пола – шаг, два, три...

Он знает, что это не его шаги.

Ему осталось жить...

15

Про безымянного тоже кое-что знаю.

Он хороший, покладистый такой.

Молчаливый.

Молчит и кивает.

Кивает и молчит.

А вот как он пришел, я не помню, а может, мне и не довелось увидеть, как он пришел, просто однажды я спускаюсь в большой зал, а он там сидит.

В красном халате, расшитом золотыми драконами.

– Вы к нам пришли?

Это я.

Он кивает.

– Надолго?

Кивок.

– Очень рады вас видеть.

Он кивает, спасибо, спасибо.

– Вы останетесь здесь?

Да.

– Да, если что, мы вам комнату подготовим...

Он смотрит на меня.

Улыбается.

Молчит.

– Ну, хорошо, здесь, так здесь.

Да.

А имя свое он мне так и не сказал.

Может, и нет у него имени.

Вообще когда веками и тысячелетиями один живешь, имя уже и не нужно...

16

Входит Взмах.

Ну, так полагается. Я сижу в малой гостиной у огня, а ко мне по очереди будут приводить подозреваемых, а я буду их допрашивать.

Взмах устраивается в кресле напротив меня, я спрашиваю:

(как вы меня учили)

– Где вы были в момент убийства?

– У себя в комнате.

– Что вы делали?

– Я склеивал лампу.

– Вы...

– Ну, я разбил лампу. И клеил...

Меня передергивает, я сразу же забываю, что я детекторив, я вспоминаю, что я за гостиницу отвечаю вообще-то.

– Что-то вы сильно много разбивать стали...

– Я оплачу...

– Да нет, я не про то, ну, разбили и разбили, с кем не бывает... просто что-то много бить стали...

– Ну, я когда волнуюсь, вечно все роняю.

Хочу кивнуть – ага, ясно, – спохватываюсь:

– А что это вы волновались?

– Ну а как, по-вашему? Мы у вашего хозяина что проси-

ли? А он что?

Киваю. Что-то мне не нравится, что-то настораживает, а, ну да...

Да...

– А почему... почему, когда вы волнуетесь, вы всё роняете?

Взмах начинает сердиться:

– Да не могла она разбиться, не могла! Да я вообще диву даюсь, что за хрень тут творится, что-то земли коснется, – и на куски разлетается!

Откашливаюсь:

– Мы вам про массу звезды говорили? Про притяжение? Про ускорение свободного падения? А?

Взмах смущается:

– Так это же с поправкой на воду надо...

– На какую воду?

Он изумленно смотрит на меня:

– А... разве не...

Не унимаюсь:

– Вы так говорите, будто вы в воде живете, а не...

Осекаюсь.

Спохватываюсь.

В воде...

Спрашиваю, вот так, в лоб:

– Вы в воде жили? В воде?

Взмах настораживается:

– Гхм...

– Дайте посмотреть вашу память.

– Но...

Настаиваю:

– Я это... Я детектор ив. Я имею право посмотреть вашу память.

Смотрю. Не нахожу ничего особенного, траектории движения звезд и планет, галак... да, галактик, галактики-то ему зачем, вот это странно, но не настолько странно, чтобы ставить под подозрение. Дальние миры, далекие странствия, и...

Вот оно.

Города.

Огромные города, величественные города на дне океанов, на мириадах планет. Города, которые когда-то были окружены водой, а теперь навеки закованы в лед, потому что планеты остыли.

Спрашиваю:

– А почему вы строили под водой?

– Что строил?

– Ну вот, посмотрите же... города... ваша работа?

Он вспоминает, спохватывается, вот черт...

– Да. Моя.

– Так почему вы строили их под водой?

Взмах настораживается:

– А что... нельзя?

– Ну почему, нельзя, кто вам запретит... только... почему в воде?

Взмах изумленно смотрит на меня:

– А где еще?

– Ну, вот наша гостиница, например, на суше стоит.

– Так у вас тут и воды нет.

Пытаюсь возразить, что будь тут хоть моря-океаны воды, всё равно бы гостиницу на суше построили. Взмах соглашается, да, пожалуйста, да стройте свою гостиницу, где хотите, кто ж вам не дает-то...

Понимаю, что ничего не понимаю. Проверяю историю человечества, палеолит, бронзовый век, это одно и то же, или нет, не одно, и не то же, шалаши у костра, охотники гонят мамонта в яму, где он найдет свою смерть, люди тащат камни, складывают зиккураты, первые парусники неловко лавируют на ветру, кто-то прилаживает круглый обрубок дерева к палке, присобачивает сверху плетеную корзину, остальные с завистью смотрят на первую повозку...

И нигде ничего не сказано про воду, нигде-нигде...

Мне не по себе, воображение услужливо рисует жуткие картины подводного мира, веками живущего бок о бок с людьми.

Откашливаюсь:

– Скажите... а вы слышали про народ... который живет на суше?

– М-м-м-м...

– Не помните?

– Ну, было дело, читал какую-то сказку, там путешественник по разным странам ездил, то в город на суше, то в город в небе...

Взмах перебрасывает мне ссылку на сказку, смотрю на яркие картинки, понимаю, что автор в жизни не видел людей.

– Там в конце даже примечания есть, почему это всё невозможно...

– Что невозможно?

– Ну... жизнь на суше, в воздухе...

– Да как жизнь на суше невозможна, что говорите-то, вон, гостиница наша...

– Так вы и не живые тут все...

Понимаю, что возразить нечего. И что допрос зашел в тупик, тупиковее некуда.

Говорю:

– Вы свободны.

Он оживляется:

– Я оправдан?

– Гхм... ну... ну, да.

Вы это видели все, да?

Что скажете?

Да, я к вам обращаюсь.

К вам.

Вы смотрите на страницу. Это вы мне насоветовали по вашему жанру, по вашему детектору ив, вызвать всех по очереди и найти убийцу по всяким там зацепкам, ну типа повар признается, что в момент убийства готовил завтрак, а дело было вечером. Кстати, объясните, что такое завтрак. И вечер. И повара у нас нет, так что не повар хозяина убил, ну разве что забежал в дом какой-нибудь приبلудный повар и хозяина убил, только вы сказали, это будет уже не по законам жанра.

Или вот, вы еще сказали проверить, кому хозяин наследство оставил, только хозяин никакого наследства не оставил и завещания тоже.

А вот скажите, что делать, если подозреваемый признается, что жил под водой – он убийца или нет?

Не знаете?

Вот и я не знаю.

Что?

Почему в самом начале гроб с мертвецом летал? Ну а что ему еще делать, на колесах гроб пускали, так он на холмах

падает, лучше вот так, на силовом поле.

Почему мертвец?

Ну, потому что не ожил еще, вот и мертвец. Звезда ему передаст себя, он оживет.

Ну да. Так полагается. Падает с неба звезда, дом её зовёт в гости, выносит ей тело, звезда входит в тело, тело оживает, а дальше звезда в теле в дом идет. А у вас не так, что ли? А как? Слушайте, я всё равно не поверю, что звезда сама в гостиницу пойдет со всеми своими реактивными двигателями... звезда в космосе летает, ну, в крайнем случае, на орбите кружится, но уж никак не в доме.

А у вас звезды в доме? Нет? Тоже на орбите? Ну, тогда чего же спрашиваете...

Да вот, еще что, у нас на кухне поварешка есть, вот повара нет, а поварешка есть – она не могла хозяйина убить? Нет? Вот я тоже думаю, что нет, это просто кусок металла, на одном конце крючок, на другом конце чаша, как она хозяйина убьет...

– Здравствуйте.

Это Мускус. Заходит в комнату, садится в кресло.

Киваю:

– Добрый вечер.

(часы бьют полночь)

Спрашиваю:

– Где вы были в момент убийства?

Он настораживается:

– Вы мне объясните, из-за чего вообще сыр-бор поднялся?

Откашливаюсь:

– Ну как вы не понимаете... убили хозяина...

– Да как его убили, он же неживой.

Меня передергивает.

– Как понять, неживой?

– Ну, он же на месте сидит, никуда не странствует... неживой

значит.

– В смысле?

– Он же Стой.

– Кто?

– Стой.

Не понимаю, кому адресовано это – стой.

– В смысле?

– Ну что в смысле, он Стой, а я Брод.

– Вас же зовут Мускус.

Он смеется. Так смеются, когда кто-то не понимает очевидных вещей.

– Спрашиваю:

– А что... можно одновременно быть Мускусом и Бродом?

– Вы это серьезно или шутите?

– Серьезно...

– Вот молодежь пошла... правильно, образование отменили, кому оно на хрен нужно...

Капитулирующе поднимаю руки:

– Честное слово, не знаю... не знаю я всего этого... Объясните пожалуйста...

– Так это же...

Он открывает рот, чтобы объяснить. Тут же закрывает, тут же умолкает, фыркает, думает, вижу – сам не понимает, что такое Стой и Брод.

– Это... ну это такие Стой и Брод.

Киваю:

– Понятно.

– Ну, вот видите, вам всё понятно. А то вы меня напугали прямо, много лет живете, а ничего не знаете.

Откашливаюсь:

– А память вашу... можно посмотреть?

– А что вам даст моя память?

– Ну... я вычислю, кто убийца...

– И что вы вычислите, что вы вычислите? Вы хоть понимаете, что убийца давным-давно из своей памяти стер, как он убивал? Что вы искать будете? У кого провалы в памяти?

– Ну... хотя бы.

– Ну, смотрите, смотрите, у меня все чисто, провалов нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.